

сборников Антона Гребля и Яна Чапловича) и, наконец, песни рабочих (горняцкие, революционные, песни о Словацком народном восстании). К сожалению, современный фольклор Словакии мало представлен в хрестоматии; он ограничен сделанными в 1951 г. записями отдельных рабочих песен и песен о Словацком народном восстании, взятых из архива Института музыковедения Словацкой академии наук. По нашему мнению, последний раздел хрестоматии следовало посвятить фольклору послевоенных лет. Общественное переустройство Чехословакии, отразившееся на всех сторонах жизни словацкого народа, не могло не сказаться на развитии таких традиционных жанров, как лирическая песня, сказка и легенда, пословица и поговорка. Фольклорные и этнографические экспедиции последних лет собрали много интересного материала (например, экспедиция 1956 г. Веры Носалевой и Евы Врабцовой в Восточную Словакию; экспедиции Института этнографии Словацкой академии наук и др.); современному фольклору посвящают работы многие словацкие фольклористы¹.

Научная ценность хрестоматии, составленной А. Мелихерчиком, велика. Книга знакомит с идейным и художественным богатством словацкого народно-поэтического творчества, с его историческим развитием. Автор уделил много внимания комментариям, которые нужно признать удачными. Фольклористу, впервые знакомящемуся со словацким фольклором, они помогут разобраться в обширном материале, понять жизнь того или иного жанра, его связь с бытом и обрядом.

В заключение приведен обширный перечень (около 100 работ) основных источников и литературы о словацком фольклоре, с краткой аннотацией и резюме на русском, немецком и английском языках. Появление этой хрестоматии нужно приветствовать. Она отвечает современным научным требованиям и свидетельствует об успехах словацкой фольклористики, развивающейся в условиях небывалого расцвета культуры народов Чехословацкой Социалистической Республики.

М. Гайдай

¹ Приведем некоторые из них: В. Вагабášová, *Prispevok k problematike vzniku nového folklóru na Slovensku*, «Narodopisný zborník», XI, 1952; J. Kováčová, *Odras sociálneho postavenia ľudu a revolučné myšlienky v slovenských ľudových piesňach*, «Pod zástavou socializmu», 1955, № 16, стр. 1030—1036; В. Filová-Вагабášová, *Referát o výskume kultúry a spôsobe života robotníckej triedy*, *Prednesené na pravovnej porade Národopisného ústavu SAV*, 12 января 1955; М. Huska, *Slovenské národné povstanie v súčasnom folklóre*, «Ľudova tvorivosť», 1959, № 9, стр. 386; J. Michalek, *Ľudova rozprávka a súčasnosť*, «Kultúrny život», Bratislava, 1959, № 16, стр. 8, и др.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия. М., 1959, 501 стр.

Почти три года прошло с тех пор, как вышел первый выпуск большой сводной работы, выполняемой Институтом этнографии АН СССР, — серии «Очерков общей этнографии». Первый выпуск был посвящен народам Австралии и Океании, Америки и Африки; во втором выпуске авторский коллектив поставил перед собой задачу рассказать о жизни и борьбе народов огромной части земного шара — зарубежной Азии. Каждому, кто хоть немного знаком с развитием нашего востоковедения, ясно, как нелегко было создать такую книгу. Даже такие страны, как Китай, Индия, Арабский Восток, Иран, этнографически изучались в нашей стране сравнительно слабо, специальные же исследования по Бирме, Таиланду, Вьетнаму, Лаосу, Индонезии и многим другим странам практически отсутствовали. Европейские источники по этнографии всех этих стран часто недоброкачественны и спорны даже фактографически, не говоря уже о неприемлемости для советской науки теоретических положений буржуазных ученых.

Перед авторами рецензируемой книги стояла и другая трудная задача: изложить на пятистах страницах огромное количество материала, не только дать описание жизни разных народов, но и проследить их этническую историю, рассказать об основных этапах национально-освободительного движения и о современном состоянии хозяйства и культуры всех народов зарубежной Азии.

Бесспорным достоинством книги является то, что авторы, как это и требуется от советских ученых, обратили особое внимание на процессы, происходящие в современной жизни народов Азии. Это выгодно отличает «Очерки» от многочисленных работ зарубежных авторов, которые видят задачи этнографии лишь в изучении прошлого; едва ли в какой-нибудь из этих работ мы нашли бы замечания о новом типе одежды в Таиланде или Бирме или о новом законе о браке, изданном в Китайской Народной Республике в 1950 г.

Достоинствами книги являются и четкое, ясное изложение, сведение до минимума неизвестных широкому читателю специальных антропологических и этнографических терминов (хотя местами все-таки следовало бы дать их разъяснение). Авторы смогли сжато и весьма содержательно рассказать в книге о многом. Особенно стоит отметить, что, в отличие от большинства востоковедческих работ, где факты, касающиеся одного народа, даются, как правило, изолированно от истории других, даже соседних, государств и народов, здесь мы часто находим многочисленные сопоставления, — например типа жилища или одежды различных народов; это создает у читателя впечатление единства исторического процесса. Вместе с тем подчеркивается своеобразие развития отдельных народов.

Многие народы зарубежной Азии — как, например, национальные меньшинства Китая или Вьетнама, отдельные малые этнические группы населения Индостана или арабских стран, — вообще впервые описаны этнографически на русском языке. Особое внимание авторами рецензируемого труда обращено на сложные комплексные проблемы происхождения и этнической истории народов зарубежной Азии (в частности китайцев и других народов Китая, японцев, айнов, вьетнамцев, бирманцев, индонезийцев, арабов), на историю и современные особенности их хозяйства и культуры, в первую очередь материальной, очень плохо описанной в старых работах, на социалистические преобразования в Китайской и Монгольской Народных Республиках, Корейской Народно-Демократической Республике, Демократической Республике Вьетнам, на национально-освободительную борьбу народов азиатских стран, освободившихся от ярма колониализма или находящихся на пути к освобождению. Авторы впервые ввели в обращение немало новых и оригинальных этнографических и антропологических материалов, частично собранных сотрудниками Института этнографии в Китае, Монголии, Вьетнаме, Бирме, Индии.

К сожалению, как и во всякой сложной и большой работе, в рецензируемой книге имеется ряд пробелов, неточностей и прямых ошибок. Остановимся лишь на наиболее существенных из них. Большинство замечаний касается вопросов, смежных с этнографией (истории, литературы, религиозных верований, театра и др.), однако в книге имеются и некоторые ошибки в этнографических описаниях.

Как сообщается в предисловии «От редакции», часть книги, посвященная народам Передней Азии, является кратким изложением соответствующего тома серии «Народы мира», остальные же разделы книги, напротив, в известной мере предвосхищают будущие тома этой серии. Поэтому вполне естественно, что большинство замечаний вызывает именно новый материал.

Один из существенных пробелов, свойственный многим разделам книги, — недостаточное внимание к средневековью, а отсюда и отсутствие внутренней динамики изложения в каждом конкретном случае. Нередко даются сведения о древности, так как это связано с проблемами этногенеза, а потом сразу делается скачок к новому или новейшему времени. Особенно это сказалось на самом большом разделе книги — китайском, где сведения об эпохах Инь и Чжоу часто перемежаются с данными о современном или цинском Китае. Так, в описании животноводства (стр. 51) авторы переходят от неолита и иньского периода прямо к современности. Некоторая статичность изложения видна и при описании обрядов, празднеств, религии. Думается что следовало бы говорить не о старом Китае вообще, а об определенных конкретных периодах его истории. Недостаточное внимание к истории средневековья приводит, например, к тому, что абзац о «золотом веке» феодального Китая — периоде Тан (618—910) написан во многом неточно (стр. 33—35).

Некоторые замечания вызывает и изложение вопросов новейшей истории. Так, в главе о Монголии недостаточно учтены изменения, происшедшие в стране за последние годы. Стоило бы более подробно и, самое главное, более четко сказать о развитии промышленности в МНР, о быстро развивающемся земледелии. Теперь уже нельзя писать: «В республике имеют место и объединения аратов для ведения коллективного хозяйства — начатки широкого производственного кооперирования аратских хозяйств». Известно, что уже в 1958 г. (за год до выхода книги) кооперированием было охвачено 35% аратских хозяйств. Сейчас кооперирование индивидуальных аратских хозяйств завершено¹.

Общим недостатком большинства разделов книги является слабая разработка вопросов духовной культуры, особенно в области народной литературы и искусства. Авторы обошли молчанием многие эпические произведения различных народов. Читатель не найдет, например, упоминания о таком всемирно известном эпосе, как «Гэсер» (о нем говорится лишь в разделе о бурятах в другом томе «Очерков»), а ведь живая эпическая традиция имеется сейчас в основном на Востоке. Китайскому фольклору в книге отведена почти целая страница, но большое количество неточностей и даже прямых ошибок снижает полезность описания устного народного творчества и литературы китайцев. Например, касаясь периода Цин, авторы ошибочно сообщают о баснях, «в которых эзоповским языком высмеивались предательство китайских феодалов и продажность маньчжурского двора, воспевалась героика знаменитого крестьянского восстания тайпинов» (стр. 87). Между тем надо было говорить о развитии в эту эпоху романа (тогда были созданы «Сон в красном тереме», «Неофициальная история

¹ См. статью Ю. Цеденбала «Боевой авангард», «Правда», 2 марта 1961 г.

конфуцианства» и цикл обличительных романов конца XIX — начала XX в. «Путешествие Лао Цаня». «Наше чиновничество», «Краткая история цивилизации» и др.).

Не повезло основоположнику современной китайской литературы великому Лу Синю. На стр. 90 ему приписан лозунг «От литературной революции к революционной литературе», который в действительности был провозглашен представителями общества «Творчество» Чэн Фан-у и другими и к которому Лу Синь не имел никакого отношения.

Вызывают возражения страницы «Очерков», посвященные театральным представлениям. Тут много прямых неточностей, ошибок в названиях драматических жанров и неясных формулировок. Так, авторы пугают жанр танской новеллы «чуаньци» (неправильно транскрибируя его как «чжун-ци») с драмой той же эпохи. В библиографии же к очерку «Восточная Азия», приложенной к рецензируемой книге, указана статья И. Гайды о представлениях периода Тан, где все трактуется вполне правильно.

Разбирая весьма подробно развитие китайского театра, авторы не сочли нужным упомянуть ни о кукольном и теневом театре, ни о современном драматическом искусстве европейского типа. Следует отметить, что в разделах о народах Ирана, Индии, Индонезии кукольному и теневому театрам отведено определенное место.

Недостаточное внимание к вопросам религии также сказалось на «Очерках». Это легко проиллюстрировать на примере разделов о Китае и Корее. Тут не вскрывается специфика распространения различных религиозных систем на Дальнем Востоке. Три религии Китая (конфуцианство, буддизм и даосизм) подаются статично — так, как их рассматривали еще в XIX в. (например, акад. В. П. Васильев в книге «Религии Востока»). Из этого изложения читатель едва ли поймет, что все эти три религии мирно сосуществовали, что только в некоторые краткие периоды истории между ними шла борьба, что вместо того, чтобы выступить против новой религии, даосы изобрели миф о том, будто основатель даосизма Лао-цзы отправился путешествовать на Запад (т. е. в Центральную и Среднюю Азию, откуда, как свидетельствуют древние письменные памятники, в Китай был занесен буддизм) и вернулся оттуда под именем Будды. Известно, что в народе приглашали лечить болезни и изгнать «нечистую силу» даосских монахов, а если человек умирал, то читать молитвы звали уже обычно буддийских монахов. Следовало бы сказать об определенном слиянии к периоду Мин всех трех религий, на что указывали Лу Синь и Чжэн Чжэнь-до². Едва ли была в мире другая страна, где человек мог быть конфуцианцем на службе и буддистом — дома, где конфуцианские идеи сыновней почитальности (сяо) входили бы в буддийские канонические книги³, а лицо Будды составляли бы из профилей Конфуция и Лао-цзы⁴. Характерно, что с периода Мин в Китае возникали различные тайные религиозные секты, которые ставили своей целью объединение трех религий. Именно в недостаточном подчеркивании китайского религиозного синкретизма, в невыявлении специфики религии в Китае следует упрекнуть авторов. Не то происходило в Корее. Там с введением конфуцианства (XIV в.) буддизм был официально запрещен, буддийские монахи не имели даже права входить в Сеул и другие крупные города, даосизм получил крайне значительное распространение.

Имеются пробы и в описании народных празднеств. О празднике Цинмин (стр. 85) не сказано главного — что это праздник поминовения. Нигде не говорится о китайском крестьянском календаре с 24 подразделениями сельскохозяйственного года.

Можно указать пробы и в описании духовной культуры и других народов Азии. Так, при рассмотрении вьетнамской литературы (стр. 206) указаны только произведения, заимствованные из Китая, и нет ни слова о самобытной вьетнамской литературе. Крайне скудно описание духовной культуры бирманцев. В разделе об Индии неправильно объясняются Веды, как сборники преданий, тогда как в действительности это сборники гимнов и песен (стр. 318).

Лингвистическая сторона «Очерков» весьма уязвима. В разделах о китайцах и вьетнамцах имеются случаи неверного толкования иероглифики, неточно характеризуются некоторые алфавиты (японский и другие), не всегда правильно рассуждения о китайском языке, много транскрипционных неточностей в очерке о народах Юго-Восточной Азии, что связано с недостаточной изученностью этих языков в нашей стране. В разделе об Индии вызывает сомнение правомерность выделения языка хиндустани, когда отдельно рассматриваются урду и хинди. Ведь хиндустани — это не особый язык, а общая для обоих языков разговорная норма. На стр. 472 упоминается сирийско-арамейский язык, хотя в действительности существует лишь сирийский (западный) диалект арамейского языка. Не очень четко изложена и классификация языков китайско-тибетской семьи.

Из прямых ошибок в этнографических описаниях мы укажем здесь только наиболее яркие. Так, читателю трудно уснуть себе цифровые данные о населении Индонезии. На стр. 263 сказано: «Основной группой населения являются малайцы (около 97%)»,

² См. Чжэн Чжэнь-до, История китайской простонародной литературы (на кит. яз.), Пекин, 1954, т. II, стр. 328.

³ Цуда Со кити, Буддизм в Китае (на японск. яз.), Токио, 1957, стр. 235—262.

⁴ См. В. М. Алексеев, Из области китайского храмового синкретизма, сб. «Восточные записки», Л., 1932, стр. 284, 285.

а на стр. 271 читаем: «яванцы... составляют почти две трети населения Индонезии». Можно думать, что авторы включают яванцев в состав малайцев, а под малайцами на стр. 263 понимают индонезийцев вообще. Но, во-первых, такое понимание термина «малайцы» давно уже вышло из употребления, а во-вторых, в дальнейшем те же авторы употребляют термин «малайцы» в гораздо более узком смысле.

На стр. 197 приведена специальная таблица, которая должна доказать, что так как название народа мяо с древности записывалось иероглифом мяо «росток риса», а народ юэ — предки вьетнамцев — иероглифом, в верхней части которого имеется ключ «рис», то, следовательно, китайцы знали все эти народы как земледельцев, возделывающих рис. Если утверждение о мяо далеко не доказано, то с юэ вопрос обстоит

иначе. Во-первых иероглиф — юэ пишется , а не как дано в книге. Во-вто-

рых, если бы авторы обратились к словарям древнекитайского языка, то увидели бы, что первоначально в этом иероглифе был ключом не рис, как сейчас, а птичьи следы; следовательно вся концепция авторов неверна. К этому следует добавить, что в древних текстах для обозначения юэ обычно писали другой иероглиф — «превосходить». Так, во всем классическом конфуцианском каноне, состоящем из тринадцати книг, иероглиф юэ, приведенный в рецензируемой книге, встречается всего лишь один раз, а юэ — «превосходить» для записи народа юэ — несколько десятков раз⁵.

Весьма важная для этнографии проблема терминологии родства освещена в отношении китайцев (хань) с ошибками. Нельзя утверждать, что терминология родства в современном китайском языке описательная, и приводить примеры «сын брата отца», «сын брата деда» (стр. 79). По всей вероятности авторы имеют в виду не современную, а древнекитайскую систему родства, существовавшую до нашей эры и отраженную в словаре «Эрья»⁶.

Рассмотрение народов по странам приводит к тому, что читателю не всегда ясно, идет ли речь об уже известном народе или нет. Так, на стр. 91 упоминаются кава, а на стр. 247 — ва. Читатель-неспециалист едва ли разберется в том, что это два названия одного народа. То же относится к палаун и бэнлун (первое название — бирманское, второе — китайское, для того же народа). Такого разнобоя необходимо избежать при втором издании книги.

Следует сказать несколько слов и об ее оформлении. В книге большое количество хороших иллюстраций, четкие и продуманные карты расселения народов Азии. Очень жаль, однако, что авторы текста и карт действовали несогласованно. В результате получилось, что многие этнические группы и подразделения, обозначенные на карте, отсутствуют в тексте и наоборот. Жаль, что прекрасные этнические карты, составленные С. И. Бруком и М. Я. Берзиной, изданы не в цвете, — это облегчило бы читателям пользование ими. Следовало бы также поместить в книгу таблицы одежды, сельскохозяйственных орудий и других элементов материальной культуры.

Вспомогательный аппарат к книге недостаточен. Библиография неполна и плохо систематизирована. Достаточно сказать, что известная работа К. Маркса «Британское владычество в Индии» значителен почему-то в разделе Герцедней Азии. Указателя совсем нет, а оглавление состоит всего из четырех строк, повторяющих шмуцтитулы. Читателю приходится тратить много времени, чтобы навести справку. А ведь такого рода книга будет для многих служить справочником. Характерно, что при переводе первого выпуска «Очерков» на румынский язык, румынскими этнографами были составлены подробные указатели, даже со ссылками на карты⁷.

В книге встречаются досадные опечатки. Так, дата свержения господства маньчжуров указана 1912 г. вместо 1911 г. (стр. 87), время изобретения книгопечатания — IX в. вместо XI в. (стр. 89); в подрисуночной подписи к изображению Храма Неба — X в. вместо XV в. (стр. 83); на стр. 67 под фотоснимком озера Бэйхай написано, что это озеро Сиху; на стр. 371 под изображением сельского дома напечатано «типичный городской дом».

Перечисленные пробелы, неточности и ошибки могут быть легко восполнены и исправлены при подготовке второго издания книги. А такое издание представляется нам очень нужным, особенно если учесть крайне небольшой тираж «Очерков» (всего 4 тыс. экземпляров) — в целом полезной и интересной книги, в которой впервые в советской науке сведены ценные сведения об этническом составе стран зарубежной Азии, об их этногенезе, материальной культуре, обычаях и т. п. Эти сведения, да и то далеко не все, до выхода рецензируемой книги можно было найти только в специальных журналах и отдельных статьях, порой недоступных широкому читателю.

Б. Рифтин

⁵ См. Е. Шао-цзюнь, Индекс к тринадцати классическим книгам (на кит. яз.), Пекин, Изд-во «Чжунхуа шуцзюнь», 1957.

⁶ См. Д. А. Ольдерогге, Малайская система родства, сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии, нов. серия, т. XIV, М., 1951.

⁷ «Etnografie continentelor. Studii de etnografie generală», București, 1959.